

ОХ, ЭТИ общие гримировочные, где шумно, как на базаре, где соседка твоя слева жалуется соседке справа на участвовавшие головные боли, а из дальнего угла кто-то обязательно присовещует «самое последнее средство». В привычном этом game своя, конечно, прелесть, но сейчас хочется тишины и покоя. Чтоб вот так сидеть на низеньком стуле перед зеркалом, лениво разглядывать свое отражение, лениво думать, что грим лег, пожалуй, удачно и вот теперь приходится его снимать.

Хорошо было сидеть в опустевшей гримировочной и хоть на короткое время представить, что не будет больше тех отчаянных минут, когда какое-то место в роли не ударится и ты «проскакиваешь» его наугад, на ходу выгадывая лазейку, чтобы другие не заметили твоей неуверенности, когда, проклиная себя за малодушие, пытаешься спрятаться за избитыми, накатанными интонациями. Хорошо

шла работать на консервный завод. Это накануне войны. Попала я в молодежную бригаду. Работали все, веселые. Скушать не приходилось.

Слышу как-то судачат девчата, что новый учетчик объявился у нас, красивый такой, говорят, смешной. Очень скоро выяснилось, что учетчик-то наш вовсе и не учетчик, а артист. Артист! Это нужно вернуть то время, те годы, чтоб вы поняли наш восторг. Мы-то ведь думали, что артисты — люди особенные, не такие, как все остальные. А тут перед нами живой артист, можно перекинуться с ним шуткой, можно даже задеть его, будто бы невзначай, локтем... Звали его Гаджи Бекбулатов. Он работал в Кумыкском театре. Летом, в отпуск, артисты устраивались кто куда, шли, как говорили, «в народ». Все это я узнала позже. А тогда Гаджи много рассказывал о театре, приглашая нас на

на уровне текста. Хайбат проговаривала слова роли, и не угадывалось за ними смятения любящего человека, которого предали.

«А как бы вы поступили сами?» — повторял режиссер.

«А никак», — раздраженно думала Хайбат.

«Идите от себя, вернитесь к себе», — повторял режиссер.

Хайбат «возвращалась к себе», бредила свою память, искала там то, что, по мысли режиссера, могло помочь решить сцену.

КОНЕЧНО, репетирую и дома. Иной раз разоидешься, забудешь обо всем на свете, а тут соседи уже стучат в стену: ты что, Хайбат, заговаривать стала?... Погодите, вот расскажу, какой однажды получился конфуз. Репетировала я как-то роль сварливой жены, ну, а муж, чтоб «разгорячить» меня, подавал время от времени реплики. На «театральные» наши крики сбежались соседи и давай разнимать нас. Смеху было потом на целую неделю... Что вы у меня еще не спросили? А вот давайте подумаем... Да, как у нас с мужем сложилось дальше? Счастье наше было недолгим, в 1952 году его не стало. Это был добрый, душевный человек, любимец публики. Он прекрасно пел, его песни и поныне передают по радио... Нет, вместе в одном спектакле нам не привелось играть. Муж был актером комедийным, ну, а мне с самого начала поручали «серьезные» роли.

ХАЙБАТ продолжала искать, обращалась к своим чувствам. Но все это было не то. Тут и случилась история с тем стариком, которого она часто видела на одной из махачкалинских улиц...

Впервые этого старика она приметила месяца два назад. Он сидел у железных ворот на грубо сколоченном стуле. Ножки стула укоротил, продавал слегка сиденье, и выложил его ватой.

Практичный старик, отметила про себя Хайбат. Выяснилось, что он старожил.

Возможно, она не стала бы приглашаться к нему, если бы не этот неуловимый, полный, как ей показалось, тайного смысла ритуал с бутылкой минеральной воды.

Пока в ней была вода, бутылка стояла на земле по левую руку. Пустую посуду, старик неизменно ставил справа от себя. Правда, не так близко к ножке стула, как раньше, но и не так далеко, чтобы случайные ребятишки не вообразили, будто бутылка бесхозная.

Такой вот был старик.

А Хайбат ничего о нем не знала. И это было плохо. Ведь если старик появился, значит, он нужен здесь. Вспомнилось чеховское: ружье должно выстрелить.

А старик, похоже, вовсе и не собирался «стрелять». Сидел по-прежнему молчаливый и благообразный, потягивал свою минеральную воду и на приветствие отвечал только сдержанным кивком головы.

Неосознанное чувство ожидания росло.

И вот как-то, направляясь на репетицию, Хайбат поймала себя на том, что сочиняет старику биографию, «осваивает» роль.

Получалось: война гражданская, коллективизация, война Отечественная...

Героическая складывалась биография.

А через день-другой старик исчез.

Подумалось: приболел.

Оказалось: проворовался.

Хайбат не могла упрекнуть себя в чрезмерной сентиментальности. Но тут ей стало больно. Старик предал свою биографию, предал ее чувства к нему.

Это было больно знать, что ты обманулась и теперь нужно рвать по живому...

...В тот день режиссер был доволен. Похоже, сцена семейного суда удалась.

М. АЙДУНБЕКОВ.

НА СНИМКАХ: сверху — народная артистка Дагестана **Х. КАЗИ-МАГОМЕДОВА**; (внизу) — **Х. КАЗИМАГОМЕДОВА** (справа) в роли Хемнолиги в пьесе «Дочь Ганга»; в спектакле «Сельские девушки» артистка сыграла роль матери.

Фото Н. Дорофеева.

Интеллигенция Страны гор

Секрет правды

было представить, что отныне все тебе будет удаваться легко и просто.

Она знала, что этой уверенности хватит ненадолго — до следующего спектакля. И снова многочасовые, изнурительные репетиции, когда спешно тобою кофточку (в костюмерной не нашлось нужной) хоть выжимай. И снова будет вечер, когда она выйдет к подъезду театра и вдруг с удивлением обнаружит, что спешить было в общем-то некуда. Потому что в день премьеры из страха перед неудачей не решаясь наметить что-нибудь на вечер. Ну, поздравит режиссер, ну, соберутся всей группой после спектакля минут на тридцать. И еще дочь преподнесет цветы, которыми она запасаётся загодя. Цветы ведь годятся для любого случая...

С кем это ты там споришь, Хайбат? Успокойся, никто не думает, что хлеб твой легок.

Она распутала накладную косу, привычными, мягкими движениями руки стала снимать с лица грим. Неожиданно вспомнилось: счастье — это равновесие. Коллега по цеху актеров в каком-то журнале размышлял о жизни и творчестве, об удачах и неудачах... Странное дело, удача в театре иногда действительно связана с очень прозаической вещью — болезнью. Кто-то заболел, и тебе предлагают его роль. Сделали ввод, говорят в таком случае. Правда, на этот раз дело обстояло не совсем так, ее с самого начала назначили дублершей. Но на премьеру рассчитывать не приходилось. Нянчила бы сегодня Лалико.

Лалико — это трехлетняя внучка, которая не ведает еще, откуда берется дождь, и тревожно вопрошает: «А кто в небо воду качает?». Это она к тому, что как-то на бульваре подслушала разговор о водокачке.

Хорошо, если Лалико еще не спит.

Я ЖДАЛА этого вопроса... Нет, до семнадцати лет я и не помышляла о театре. Жили мы с матерью тогда уже в Буйнакске. Отца в годы коллективизации убили кулаки в Чиркее, мы сами оттуда. Нас, детей, осталось четверо. Я была младшей в семье. Старшие три брата были уже взрослые, самостоятельные.

После смерти отца мать часто болела. Окончив семилетку, я по-

спектакли.

Осенью он вернулся в театр, но бригаду нашу не забывал, приходил, все тянул на спектакль. Но девчата не шли, стеснялись. Да и родители не пускали. На театр смотрели в те годы очень сурово. Из-за театра от меня и отказались братья, так и умерли, не простив мне «этого шага». Но это позже... Как-то раз приняла приглашение Гаджи. Это было чудесное зрелище. Я словно окунулась в мир моих детских сказок.

С того дня я стала бредить театром, решила во что бы то ни стало проникнуть в этот сказочный мир.

ЛАЛИКО...

Почему это вдруг вспомнилась внучка? Да, она подумала, что на премьеру рассчитывать не приходилось.

При распределении роль Полины в спектакле «Трибунал» дали Барият Мурадовой и ей. Хайбат Казимагомедовой. Подразумевалось, что на премьеру выступит Барият. Но той не пришлось даже репетировать. Заболела.

Роль была трудная. Казалось, о Полине Хайбат знала все: и кто она, и какая она, и как она радуется и горюет. Но ускользало самое важное — нерв роли... Хайбат, например, не могла представить, как она проведет кульминационную сцену семейного суда. Да, она помнила войну, вернее, военное лихолетье. Не вернулся с фронта один из братьев. Сама она работала с утра до глубокого вечера. Но все это было в тылу. Она не видела фашистов, не видела, как горят хаты на рассвете, не видела, как падает срезанная снарядом кудрявая белоствольная береза. Никогда не приходилось ей судить мужа за измену.

Ничего общего между своим опытом и жизнью Полины Хайбат не находила.

И ПРОНИКЛА. Устроилась билетером.

Бывало, идет спектакль, а я примочусь где-нибудь в проходе и млею от восторга. Мечтала, когда же сама выйду на сцену. Вскоре мы с Гаджи поженились. В театре шутили: а когда вы зададите семейный спектакль? Веселые были люди, хорошие,

В 1943 году Кумыкский театр перевели в Махачкалу. Зачислили меня в вспомогательный состав. Это артисты второго плана — статисты, «массовики». Тогда же записалась и в трехгодичную студию при театре... Помню, конечно, разве забудешь свой первый выход? В «Хочбаре». Когда начались репетиции, нам, «студийцам», сказали, что тоже выйдем на сцену. Радость была какая!

В день премьеры пришла часа за два, не могла усидеть дома. Хожу, маюсь, чувствую, не унять волнения. Подошел Гамид Алиевич Рустамов, наш главный режиссер. Не волнуйся, говорит, все будет хорошо, как увидишь костер, так и побежишь... Сцену надо было перебежать, когда Хочбар бросает детей хана в костер.

Стою за кулисами ни жива ни мертва. Ну, думаю, не тронусь с места. Не смогу. Воображала, что весь зал уставится на меня и все поймут, какая я неловкая и неуклюжая. Вдруг вижу, подхватились подружки... Уж и не помню, как перебежала сцену. Обратно было чуть легче.

После нас поздравляли, говорили, что получилось здорово. Подбадривали.

ВНЕШНЕ все было просто. Полина на семейном суде предлагает утопить в проруби мужа — мнимого предателя, как выяснилось позже.

Легко сказать: предлагает. Нужно было сыграть сцену так, чтобы зритель поверил ее переживаниям, понял, как сово ей обмануться в человеке, с которым прожила рядом не один десяток лет, с которым растила детей, засеивала поле, убирала потом урожай. И вот теперь его нужно убить. Иначе она не может. Не может во имя той же совместной жизни, во имя прежней любви, которую она скорее принимала за привычку. Привычку журить этого доброго, неприметного человека, привычку собирать ему на стол еду, привычку обсуждать с ним обновку для дочерей. Нужно было показать, с какой болью выжигает она в себе эту привычку.

Но суда совести не получалось.

Игра шла, как выражаются актеры,

